

- ⁶⁰ См.: *Peters C. Secondary Lives : Biography in Context // Batchelor J. The art of literary biography. Oxford, 1995. P. 45.*
- ⁶¹ См.: *Backscheider P. R. Op. cit. P. 5–10 ; Edel L. Op. cit. P. 40–41 ; Furbank P. N. Op. cit. P. 21–23 ; Lee H. Op. cit. P. 6–10 и др.*
- ⁶² «...bloss zeigen, wie es eigentlich gewesen», Л. Ранке, 1824 г. (цит. по: *Kittstein U. Op. cit. S. 17).*
- ⁶³ См.: *Bödeker H. E. Op. cit. S. 51.*
- ⁶⁴ См.: *Kittstein U. Op. cit. S. 21.*
- ⁶⁵ См.: *Bödeker H. E. Op. cit. S. 53.*
- ⁶⁶ См.: *Law J., Huges L. K. Op. cit. P. 13.*
- ⁶⁷ «The most invisible person in a biography is the most powerful – the author» (*Backscheider P. R. Op. cit. P. 3–6).*
- ⁶⁸ См.: *Nadel I. B. Op. cit. P. 154.*

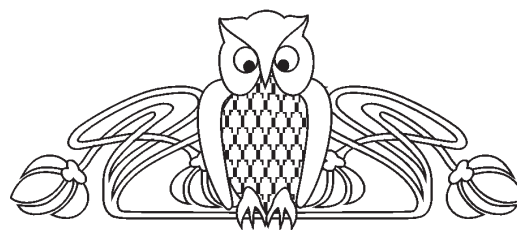
- ⁶⁹ Ibid. P. 8–9.
- ⁷⁰ Ibid. P. 151 и др.
- ⁷¹ Ibid. P. 180 ; *Edel L. Op. cit. P. 29–30.*
- ⁷² См.: *Nadel I. B. Op. cit. P. 157 ; Kittstein U. Op. cit. S. 35–38.*
- ⁷³ См.: *Benton M. Op. cit. P. 18–28.*
- ⁷⁴ См.: *Kittstein U. Op. cit. S. 27–32.*
- ⁷⁵ См.: *Nadel I. B. Op. cit. P. 9 ; Schlaeger J. Biography : Cult as Culture // Batchelor J. Op. cit. P. 65 ; Becker E. W. Biographie als Lebensform. Theodor Heuss als Biograph im Nationalsozialismus // Hardtwig W., Schütz E. H., Bekker E. W. Geschichte für Leser : populäre Geschichtsschreibung in Deutschland im 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2005. S. 74–75 ; Kittstein U. Op. cit. S. 40–41 ; Scheuer H. Op. cit. S. 84–85 ; Brummack K. Op. cit. S. 2–3 и др.*

УДК 821.161.1.09–31+929 Толстой

ОБРАЗ ДОМА И «МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В ПОЭТИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

А. В. Зиновьев

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
E-mail: Aspirant09@mail.ru

В статье изучается поэтика Толстого в романах «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение» – в таком сочетании, как «образ дома» и «мысль семейная». При рассмотрении произведений разных периодов творчества Л. Н. Толстого отмечено, что связь этих категорий очевидна и, выполняя разные функции в романах, является важным компонентом в раскрытии характеров героев и понимании позиции автора по отношению к ним.

Ключевые слова: Толстой, поэтика, роман, «образ дома», «мысль семейная»

The Image of Home and the «Thought of Family» in L. N. Tolstoy's Poetics

A. V. Zinovyev

Tolstoy's poetics has never been studied in the combination of the «image of home» with the «thought of family». The relationship between these two categories is clearly visible, especially in the novels *War and Peace*, *Anna Karenina*, and *Resurrection*. Having considered these works by Tolstoy, written in different periods of his creative work, we can unwittingly notice the obvious relationship between the «image of home» and the «thought of family». It performs various functions in the novels, and it is also important in the disclosure of characters' features and in understanding the author's attitude towards them.

Key words: Tolstoy, poetics, novel, «image of home», «thought of family».

«Мысль семейная» в творчестве Л. Н. Толстого – тема традиционная. Ещё в прошлом веке к ней обращались Б. М. Эйхенбаум¹, В. Б. Шкловский² и др. И по сей день данная тема находится в сфере исследовательских интересов. Однако в таком сопряжении, как «образ дома» и «мысль семейная», поэтика Толстого не изучалась. На

наш взгляд, связь этих категорий очевидна, что отчётливо проявляется в «Войне и мире», «Анне Карениной» и «Воскресении».

Сложная структура романов Толстого передается разнообразным и одновременно употреблением изобразительно-выразительных средств. Писатель нередко прибегает к сосредоточению в одном месте произведения стилистических приемов, находящихся в сложном взаимодействии. Основными составляющими в этом взаимодействии являются психологизм, метафора, сравнение, антитеза, различные виды повторов, градация, параллелизм, инверсия.

Чётко прослеживается связь категорий «образ дома» и «мысль семейная» в романе «Война и мир», где судьбы героев представлены на фоне семейных отношений. Следуя традициям реализма, автор хотел сопоставить между собой разные семьи, которые являются типичными для своей эпохи. В этом сравнении Толстой нередко использует прием антитезы: одни семьи показаны в развитии, другие же являются статичными. К последним относится семья Курагиных. Толстой, показывая всех ее членов, уделяет большое внимание портретам, так как внешняя красота Курагиных заменяет собой духовную. В этой семье присутствуют многие человеческие пороки. «Мои дети – обуза моего существования. Это мой крест»³, – признаётся князь Василий Анне Павловне. Отношения Элен с Пьером трудно назвать семейными, супруги все время в разлуке. Никто из семьи Курагиных не оставляет после себя наследников.

Образ Николая Андреевича Болконского воплощает лучшие черты старинного русского дворянства. Он – представитель древней аристократической фамилии, в его характере сочетаются нравы властного хозяина, перед которым трепещут все домашние, и аристократа, гордящегося своей длинной родословной, черты человека большого ума и простых привычек. Его дом в имении Лысые Горы полностью отражал его характер и уклад жизни. «Порядок в его образе жизни был доведён до последней степени точности. Его выходы совершались при одних и тех же неизменных условиях, и не только в один и тот же час, но и минуту. С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно-требователен <...> Огромный кабинет был наполнен вещами, очевидно беспрестанно употребляемыми. Большой стол, на котором лежали книги и планы, высокие стеклянные шкафы библиотеки с ключами в дверцах, высокий стол для писания в стоячем положении, на котором лежала открытая тетрадь, ... – всё выказывало постоянную разнообразную и порядочную деятельность» (1, 100). «В столовой, громадно-высокой, как и все комнаты в доме, ... князь Андрей глядел на огромную золотую раму с изображением генеалогического дерева князей Болконских...» (1, 115). Эпитетами «большой», «огромный», «высокий» и т. д. автор подчёркивает величие старинного дома и его владельца. Его дом – символ патриархальности.

Сын Болконского отражает лучшие черты дворянской молодежи. У князя Андрея свой путь к пониманию настоящей жизни, своя семья и свой дом – имение Богучарово. «Барский двор состоял из гумна, надворных построек, конюшен, бани, флигеля и большого каменного дома с полукруглым фонтаном, который ещё строился, ограды и ворота были прочные и новые... На всём лежал отпечаток аккуратности и хозяйственности» (2, 432). Эпитеты, данные автором при описании имения, – «молодой» лес, сад, «крепкие» мосты, «новые» ограды и ворота – символизируют новое поколение. Но в своём стремлении жить разумом, а не чувствами князь Андрей не может постигнуть семейного счастья. «...Хочешь знать, счастлива ли я? Нет. Счастлива ли она? Нет. Отчего это? Не знаю...», – говорит он княжне Марье о своём браке (1, 123). Только княжна Марья в этой семье – чувствительная натура. Об этом свидетельствует голубой диван «признаний» (1, 103) в её комнате и её привязанность к «божьим людям», которых она принимала в доме. Старинный род Болконских не прерывается со смертью князя Андрея, остается Николенька Болконский, который, вероятно, продолжит традицию нравственных поисков своих отца и деда.

Особые симпатии писателя вызывает семья Ростовых, в поведении которой проявляются высокое благородство чувств, доброта, естественность, близость к народу, нравственная чистота и

цельность. Софья Андреевна Толстая в дневнике писала о том, что Ростовы – это семья Толстого, что Наташа – это Татьяна Кузьминская. Сходство с ними героев Толстого доходило, по словам его жены, до совпадения.

«Образ дома» передаётся через атмосферу взаимопонимания и уважения в семье. «Сундук в коридоре был место печалей женского молодого поколения дома Ростовых» (1, 75). Примером их великодушия служит эпизод романа, где свой дом и свои подводы они отдают в распоряжение раненых солдат (3, 292–299). Эпизод пляски в доме дядюшки символизирует духовную близость людей, независимо от сословия и положения в обществе: «Наташа сбросила с себя платок, который был накинут на неё, забежала вперёд дядюшки и, подперши руки в боки, сделала движение плечами и стала. Где, как всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, – эта графинечка..., которая умела понять всё то, что было и в Анисьи, и в отце Анисьи, и в тётке, и в матери, и во всяком русском человеке» (2, 581). Именно такие духовно богатые люди сохраняют и передают из поколения в поколение традиции национальной культуры.

Неслучайно в конце романа автор показывает нам становление двух семей: Николая Ростова и княжны Марьи Болконской, Пьера Безухова и Наташи Ростовской. И княжна, и Наташа, каждая по-своему, нравственно высоки и благородны. Они обе обрели свое счастье в семейной жизни.

Рассматривая роман «Война и мир», нужно отметить, что «образ дома» и «мысль семейная» многозначны. Эти категории от отдельных семей (Ростовых, Болконских, Курагиных и т. д.) перерастают до масштабов России и русского народа. И если увидеть в образе России символ дома, а народ как одну семью, сплотившуюся в тяжёлые для страны времена, то указанные выше категории становятся основополагающими в структурном формировании романа. «Когда Ростов подъезжал к полку, он испытывал чувство, подобное тому, которое он испытывал, подъезжая к Поварскому дому... Полк был тоже дом, и дом неизменно милый и дорогой, как и дом родительский» (2, 44). «Россия не в Москве, она в сердцах её сынов!» (3, 292).

В поэтике романа «Анна Каренина» связь категорий «образ дома» и «мысль семейная» выполняет важнейшую структурообразующую функцию. Толстой стремится показать, что положительное начало в человеке непременно должно быть в первую очередь отмечено крепкими семейными отношениями. «Мысль семейная» выражается через диалектику души. В сюжетной линии Левина и Кити – переход от симпатии и дружбы к любви; у Вронского и Анны – симпатия, перерастающая в страсть; у Стивы и Долли – переход от любви к безразличию и т. д.

Взаимодействие категорий «образ дома» и «мысль семейная» прослеживается с самого начала романа: «Всё смешалось в доме Облонских...

Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве... Жена не выходила из своих комнат, мужа третий день не было дома. Дети бегали по всему дому, как потерянные...»⁴. Символично, что на фоне разрушения семейного счастья Облонских автор описывает разрушающееся родовое имение Ергушово. «Старый дом был давно сломан... Был отделан и увеличен флигель. Но теперь флигель этот был стар и гнил... Пошёл проливной дождь, и ночью потекло в коридоре и в детской...» (8, 305–306). Всё пришло в упадок. Контрастом нынешней (замужней) жизни Долли служит описание её жизни в девичество, когда она была счастлива. Её дом (дом Щербацких) – «это был старый дворянский московский дом» – несёт оттенок этого счастья. Не зря Левин «был влюблён именно в этот дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи, где он в первый раз увидел ту самую среду старого дворянского, образованного и честного семейства» (8, 30–31). Этими эпитетами показывается уклад жизни дома, где царит атмосфера дружелюбия, благополучия и гостеприимства, а сам дом является основой этого благополучия.

На протяжении всего произведения чётко прослеживаются две линии любовных отношений. Роману Анны и Вронского, идущему по закону «Мне отлучение, и аз воздам», контрастом служит идиллический роман Кити и Левина. Левин не имеет прямого отношения к судьбе Анны, хотя ему уделено внимания не меньше, чем ей. Он едва ли не единственный из героев Толстого, действительно осуществивший свой семейный идеал.

Кроме любви у Вронского с Анной нет никакого объединяющего интереса, поэтому у них не получилось ни семьи, ни общего дела, ни дома. «Для того, чтобы предпринять что-нибудь в семейной жизни, необходимы или совершенный раздор между супругами, или любовное согласие. Когда же отношения супругов неопределённые и нет ни того, ни другого, никакое дело не может быть предпринято» (9, 335).

Характерно, что «Вронский никогда не знал семейной жизни... Отца своего он почти не помнил и был воспитан в пажеском корпусе» (8, 71). Отношения с матерью были натянутыми. «Женитьба для него не представлялась возможностью...» (8, 72). Только привитая с детства прочность семейных уз является фундаментом для создания дома, семьи. Не зная, что такое семейное счастье, невозможно построить свой дом.

Очевидно, что дом и семья Карениных – это лишь внешняя оболочка, поэтому для Анны дом не представлял особой ценности, она воспринимала его как часть семейной жизни. Толстой не может найти для Анны другого выхода кроме как умереть. Он видит счастливые отношения лишь в семье, где муж и жена являются поддержкой и опорой друг другу во всём. Вне семьи человек теряет почву под ногами и остаётся одиноким, никому не нужным и несчастным.

Другая линия, не менее важная в романе, развивается в отношениях Левина и Кити, как уже говорилось выше. Для Левина женитьба была «главным делом жизни, от которого зависело всё её счастье». У Левина действительно дом в том духовном значении, которое имеет это слово в русском языке. Образ дома являет собой символ. Дом – не просто жильё, но это и память о матери, отце, детстве, и даже не просто память, а как бы присутствие дорогих людей и дорогого прошлого в настоящем. «Дом был большой, старинный, и Левин, хотя жил один, но топил и занимал весь дом. Он знал, что это было глупо, знал, что это даже нехорошо и противно его теперешним новым планам, но дом этот был целый мир для Левина. Это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать. Они жили тою жизнью, которая для Левина казалась идеалом всякого совершенства и которую он мечтал возобновить с своею женой, с своею семьёй» (8, 115).

Дом – это святыня для Левина, и память, и живой завет. Дом охраняет Левина, дом живёт, и в нём, в его духе живы мать и отец героя. Недаром тяжело больной, бездомный, скитающийся по гостиницам Николай заклинает брата: «Да смотри же, ничего не переменяй в доме, но скорее женись и опять заведи то же, что было» (8, 110).

Толстого удивляло, что большинство романов кончается женитьбой героев, а самое главное – вся остальная жизнь, устройство дома, семьи – остаётся вне поля зрения писателей. В «Анне Карениной» центр тяжести перенесён с ухода забот, соперничества, ожидания любви на изображение жизни любовников и супругов.

Авторскую точку зрения Толстой выражает через пейзажи, сцены, образы. Можно сказать, что наиболее значимы в романе те сцены, которые особенно запоминаются, которые стали знаменитыми: скачки, косяба, венчание, охота. Ими писатель выражает свой жизненный идеал, заставляя читателей восхищаться и любить то, что любит он сам, а то, что любит человек, и есть, по Толстому, самая глубокая основа его убеждений.

В «Анне Карениной» писатель стремился выявить причины, приводящие к распаду семьи, и отыскать духовные начала, которые способствуют сплочению семейных отношений, укреплению семьи. Ведь по словам самого Толстого, «счастлив тот, кто счастлив у себя дома». Он проводит параллель между домом и семьёй, где семья – это основа, а дом – символ, определяющий степень благополучия в этой семье.

Становится ясно, что «образ дома» и «мысль семейная» в поэтике «Анны Карениной» настолько связаны, что представляют одну художественную линию в её структурном формировании.

В «Воскресении» также присутствует связь категорий «образ дома» и «мысль семейная». В начале романа Нехлюдов показан как настоящий представитель высшего дворянства: имеет положение в обществе, связи, средства. «Все

вещи, которые он употреблял, ... были самого первого, дорогого сорта, незаметные, простые, прочные, ценные». Таким же было и убранство его квартиры: «...длинная, с натёртым паркетом, столовая с огромным дубовым буфетом и таким же большим раздвижным столом, имевшим что-то торжественное в своих широко расставленных в виде львиных лап резных ножках... Кабинет был очень большая высокая комната, со всякого рода украшениями, приспособлениями и удобствами»⁵. Таким был и сам Нехлюдов – «с мускулистым, обложившимся жиром белым телом» (28), холёный, педантичный. Он собирается жениться на дочери Корчагиных, «богатых и знаменитых людей» (27). Их дом – полная чаша. «Большой дом с бесшумно двигающейся на английских петлях дубовой дверью подъезда... с великолепной и просторной залой» (110), с роскошной столовой и богатыми хозяевами. Всё в жизни Нехлюдова было размеренно и предопределено. Случайная встреча с Катей Масловой в корне меняет его жизнь. Стремясь искупить грехи молодости, он покидает свой дом, изменяет своим привычкам, переезжает на съёмную квартиру, отдаёт свои имения в пользование крестьянам, отказывается от брака с Корчагиной. Он полностью пересматривает жизненные ценности, своей целью ставит женитьбу на Кате Масловой, следует за ней на каторгу, терпит лишения.

Толстой устремляет свой взгляд на казённые дома – казармы, где в ужасных условиях содержатся зачастую невинные люди. «Камера, в которой содержалась Маслова (до суда), была длинная комната, в девять аршин длины и семь ширины, с двумя окнами, выступающею облезлой печкой и нарами с разошедшимися досками, занимавшими две трети пространства... Всех обитательниц этой камеры было пятнадцать» (129). Камера представлена домом: «Маслова вернулась домой в свою камеру только в шесть часов вечера, усталая и больная ногами...» (126).

Затем приговорённые отправлялись по этапу. Заключённые делились на два лагеря: уголовные и политические. «Переход в отделение политических улучшил положение Масловой во всех отношениях» (397). Это стало решающим моментом в судьбе героини. Революционеры явились силой, способствующей нравственному обновлению человека. Даже во временных пристанищах политические старались создать уют и тепло домашнего очага. «После холода, сырости во время перехода, после грязи и неурядицы, которую они нашли здесь, после трудов, положенных на то, чтобы привести всё в порядок, после принятия пищи и горячего чая все были в самом приятном, радостном настроении. То, что за стеной слышался топот, крики и ругательства уголовных, как бы напоминая о том, что окружало их, ещё усиливало чувство уюта <...> Политические почти все были влюблены. Между ними возникли

согласные и несогласные, различно переплетающиеся влечения друг к другу» (432). Общение с революционерами несёт нравственное возрождение и для Нехлюдова. «Нехлюдов понял теперь, что общество и порядок вообще существуют не потому, что есть эти узаконенные преступники, судящие и наказывающие других людей, а потому, что несмотря на такое развращение, люди всё-таки жалеют и любят друг друга» (482).

Толстой использует приём «диалектика души», который позволяет воспроизвести процесс постоянного обновления Нехлюдова. Обилие внутренних монологов отражает мысли и чувства героя на протяжении всего романа. В конце произведения перед нами совсем другой человек. Аналогичный процесс «воскресения» происходит и с Катей Масловой.

Контрастом описывается жизнь людей, «власть имеющих», и людей, брошенных на «дно жизни». Чиновники, к которым был вынужден обращаться Нехлюдов с просьбами по делу Масловой, были люди семейные. Но эти семьи Толстой описывает как несчастливые. К примеру, «семейную жизнь Владимира Васильевича Вольфа составляли его безличная жена, свояченица, состояние которой он также прибрал к рукам, продав её имение и положив деньги на своё имя, и кроткая, запуганная, некрасивая дочь, ведущая одинокую тяжёлую жизнь, развлечение в которой она нашла в последнее время в евангелизме... Сын был изгнан из дома за то, что он нигде не кончил курса и, вращаясь в дурном обществе и делая долги, компрометировал отца» (287).

В романе «Воскресение» «образ дома» – символ человечности, а «мысль семейная» становится символом нравственности. Только люди высокой морали приходят к взаимопониманию и человеческому единению, создавая атмосферу домашнего тепла и уюта даже не имея собственного дома. Аморальность высшего общества, представленного в романе, не делает их семьи благополучными. Категории «образ дома» и «мысль семейная» в сопряжении друг с другом делают роман более социальным и реалистичным.

Примечания

- ¹ См.: *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960.
- ² См.: *Шкловский В.* Лев Толстой. М., 1967.
- ³ *Толстой Л.* Война и мир : роман в 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 10. В дальнейшем ссылки даются на это издание с указанием тома и страниц в тексте.
- ⁴ *Толстой Л.* Собр. соч. : в 20 т. М., 1965., Т. 8. С. 7. В дальнейшем ссылки даются на это издание с указанием тома и страниц в тексте.
- ⁵ *Толстой Л.* Воскресение. Киев, 1987. С. 28, 33. В дальнейшем ссылки даются на это издание с указанием страниц в тексте.